

Круглый стол «Изучение истории декабристов»

УДК 94(47) «1825.12.14»

DOI 10.24411/2311-603X-2019-00031

П. В. Ильин

Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем

Изучение истории декабризма — оппозиционного самодержавию движения в русском дворянском сословии, возникшего после окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов в виде конспиративных кружков и организаций и закончившего свое существование открытыми военными выступлениями 1825–1826 гг., занимает одно из выдающихся мест в отечественной историографии на протяжении более чем 100 лет, начиная с последних десятилетий XIX в. Не углубляясь в обсуждение причин столь пристального внимания исследователей к истории декабристов (что составляет предмет особого историографического труда), остановимся на некоторых наблюдениях, касающихся того, как изменялись оценки актуальных и научно значимых задач изучения на различных этапах декабристоведения.

Развитие историографии до 1917 г. в целом можно оценить как период введения в научный оборот и первоначального осмысления источникового материала. Но уже в начале XX в. процесс сбора и анализа исторических документов совмещался с попытками создания на основе уже собранных источников первого обобщающего исследования фактической стороны и идеологии движения декабристов. Наиболее серьезная такая попытка, предпринятая в 1906–1907 гг., закончилась неудачей: коллективный труд группы исследователей так и не был завершен. Один из его авторов, В. И. Семевский, подготовил свой индивидуальный вариант первой обобщающей монографии, уделив значитель-

ное внимание не столько фактологии, сколько анализу программных проектов, а также комплекса политических идей декабристов¹. Сохранившийся план несостоявшейся коллективной «Истории декабристов», а также содержание известного труда В. И. Семевского показывают, что актуальными направлениями для историков дореволюционной эпохи, помимо установления «фактической стороны» движения декабристов, являлись анализ главных основ идейной программы (в первую очередь проектов преобразований), их генезиса и формирования, и освещение роли декабристских идей в последующем общественном движении². Необходимо отметить, что историки дореволюционного периода не уходили от проблем внутренней неоднородности декабристского движения, соотношения в нем радикализма и либерализма, как и от сложности и разнообразия идейных влияний, подготовивших его появление, что в целом не стало предметом углубленного внимания в литературе последующих десятилетий.

Ранний этап советской историографии (1917 — середина 1930-х гг.), отмеченный бурным развитием исследований и активным введением в оборот множества важнейших первоисточников, включая комплекс следственных дел ведущих деятелей декабризма, подпитывался политической конъюнктурой резкой критики уничтоженного «старого режима». Составители выходивших один за другим в 1920-е гг. сборников документов и исследований вполне определенно очертили круг актуальных направлений научной работы: помимо естественных задач восстановления «фактической истории» и анализа мировоззрения декабристов, это — изучение современного декабристам общественного движения и вообще современной им эпохи, исторических предпосылок возникновения декабристских союзов, включая изучение «среды», выдвинувшей декабристов, установление этапов их идейной эволюции как до, так и после 1825 г., исследование влияния их идей и действий на последующее развитие общественной жизни³. Любопытно отметить, что уже в это время прозвучало предостережение против выстраивания историками модернизированных и упрощенных схем и представлений, оторванных от исторической эпохи. В тот период времени это выражалось во взгляде на декабристов как на «некий единый коллектив, спаянный совершенно однообразными социально-политическими устремлениями», искусственно вырванный из «объективных условий той эпохи, среди которой им приходилось жить и действовать». Между тем, необходимо учитывать «различие социально-политических устремлений декабристов», которых объединяло лишь неприятие крайних форм самодержавия и крепостного права; «в остальном было бы наивно рассматривать их как членов современных политических партий, тесно связанных параграфами обязательного устава»⁴. Как покажет последующее развитие историографии, эти предостережения долгое время не оказывали на нее значительного влияния.

Следующий, наиболее продолжительный этап развития советской историографии (середина 1930-х — середина 1980-х гг.) характеризуется господством жесткой идеологемы «дворянской революционности», в конечном счете

отрывавшей декабристские союзы от современной им общественной среды (включая либеральную тенденцию в русском обществе). Этот период отмечен широчайшим диапазоном исследований по самым разнообразным вопросам истории декабризма, уложенных вместе с тем в «прокрустово ложе» парадигмы внутренне единого «революционного движения», классической для советской историографии. Как было показано нами, на данном этапе в качестве актуальных и приоритетных назывались проблемы истоков декабристского движения (с большим вниманием к внутрисоветским факторам), формирования и эволюции его идеологии, связей декабристов с предшествующими и последующими политическими движениями, отношений с современной им общественной средой⁵. Акцентировка научно значимых областей изучения, при всей их преемственности, отличалась от предыдущих этапов историографии: помимо господствующего исследования «дворянской революционности» (особенностей политического радикализма, наиболее радикальных программных требований и тактических установок тайных обществ, планов военных выступлений), к числу признанных наиболее важными и актуальными следует отнести проблему «декабристы и народ», вопрос о месте декабристов в общемировом антифеодальном и национально-освободительном движении, об их влиянии на последующие поколения радикальных «борцов с самодержавием».

В последние десятилетия советского периода историографии наблюдается рост интереса к истории просветительства и либерализма — как среды, в которой зарождались и созревали декабристские политические программы, к изучению различных идейных течений и форм общественной деятельности, современных декабристам. Это связано с фактическим сосуществованием в рамках советского декабристоведения «официального направления» (М. В. Нечкина, Н. М. Дружинин) и скрыто или иногда открыто оппонировавшего ему «неофициального» (Ю. Г. Оксман, М. К. Азадовский, Ю. М. Лотман), испытавшего на себе влияние досоветской историографии. Именно в трудах представителей второго направления мы находим определенное смещение акцентов в сторону более широкого и объективного исследования различных идейных течений в русском обществе, разработку проблем истории просветительства и либерализма, их влияния на формирование политической программы декабристов, что приводило к пониманию сложной и неоднородной идейной основы самого декабристского движения⁶. При всех различиях в подходах и оценках, оба указанных направления объединяло признание марксистской парадигмы «дворянской революционности» и других концептуальных основ советской историографии, а также приоритетный интерес к наиболее радикальным идеям декабристов, их априорно позитивная оценка. Сомнения в безусловной ценности революционного радикализма, критика радикальных политических идей стали проявляться всё более заметно лишь в трудах следующего поколения историков «неофициального направления» — в частности в известных работах наиболее выдающегося его представителя, Н. Я. Эйдельмана.

Последний, кратковременный этап советской историографии, наступивший с началом перестройки, принес с собой обострение интереса к истории общественно-политической мысли. Усложнение и расширение тематики, привлечение источников, ранее не используемых в литературе по идеологическим причинам, наметившийся пересмотр прежних положительных оценок политического радикализма, «восстановление в правах» идей либерального реформаторства как важнейшего пути общественного развития, — всё это характерные черты научных изданий, относящихся к этому времени. В ряду этих изданий следует выделить киевский серийный сборник «Декабристские чтения», аккумулировавший в те годы декабристоведческие труды исследователей из различных регионов СССР и получивший таким образом общесоюзный характер⁷. Анализ содержания сборника показывает не только постепенный отход авторов от монополии советской идеологии, но и некоторые направления пересмотра сложившихся представлений, которые рассматривались исследователями как актуальные: изучение условий формирования политического мировоззрения деятелей декабризма, их политической программы, организационных принципов, идейных взаимосвязей тайных обществ и современного им общества. Всё отчетливее становилась сложная природа декабристских идей, совмещение в их политических планах либерально-реформаторских и радикальных черт, т.е. происходил возврат на новом уровне понимания и исследовательской методике к наблюдениям исследователей первых этапов историографии, развивались некоторые положения трудов представителей «неофициального направления» в советской историографии. Особое значение в этих условиях приобрели проблемы историографии конкретных вопросов идейной и «фактической» истории тайных обществ (прежде всего дискуссионные вопросы и оценка сделанного в советское время), восстановление широкого либерального фона общественной среды, которая способствовала формированию декабристских идей⁸.

Постсоветская эпоха первоначально сохраняла инерционный интерес к радикальным идеям в декабризме, однако постепенно всё более возрастало внимание к либеральной основе политического мировоззрения подавляющей части участников декабристского движения, к проблеме соотношения радикального и нерадикального в их тактических планах. Особое звучание приобрело определение места декабристов в общественном движении современной им эпохи. Получили распространение нетрадиционные по сравнению с советской эпохой подходы к оценке и анализу деятельности декабристов, в частности — отрицание значимости декабристского политического опыта, особое внимание к культурной деятельности участников движения, планам и шагам легально-реформаторского характера. Морально-этические оценки взглядов декабристов иногда заслоняли необходимость анализа политической деятельности — как конспиративной активности, так и открытого политического действия (военных выступлений); последнее иногда трактовалось как военная демонстрация⁹.

Переосмысление декабристского опыта преимущественно в русле истории российского либерализма и либерально-конституционной традиции выдвинулось на этом этапе актуальной проблемой¹⁰.

В новых условиях сформировавшейся конкурирующей научной среды всё разнообразнее и противоречивее становились оценки идейного базиса движения, не говоря уже о тактических установках и избранных декабристами способах открытого политического действия в период междуцарствия 1825 г. В 1990-х гг. помимо продолжавшихся серийных сборников по истории декабризма и общественного движения в целом¹¹ появились новые периодические издания по изучению декабристского наследия, которые актуализировали как уже, казалось бы, исследованные проблемы общественного движения и общественной мысли первой половины XIX в., требовавшие переоценки на новом этапе историографии, так и малоизученные аспекты истории тайных обществ, политической деятельности декабристов, персоналистики, способствовали пересмотру традиционных представлений о «едином революционном движении»¹².

В 1995 г. В. М. Бокова, пожалуй, наиболее предметно сформулировала основные положения коренной ревизии декабристоведческих концепций и пересмотра научных представлений, укоренившихся в историографии советского времени, вместе с тем обозначив важнейшие слагаемые нового подхода к разработке истории декабризма. В число актуальных «составляющих» пересмотра старых и формирования новых представлений вошли следующие проблемы: декабристы и влиявший на них контекст отечественной антидеспотической и фрондистской борьбы, который обычно не учитывался в рамках парадигмы «революционного движения» (восстания стрельцов, «дворцовые перевороты» и др.); воздействие на декабристские политические программы традиций аристократического либерализма и дворянской фронды; роль националистического сознания в процессе складывания декабристской идеологии; внутренняя идейная неоднородность движения, наличие в тайных обществах различных взглядов на цели и задачи; отказ от представлений о «внутренне едином» и цельном движении, отказ от распространения «революционности» и политического радикализма на всё движение, на всех его участников в целом; проблема «декабристское мировоззрение и религия», особенно значимая вследствие того, что большинство участников тайных обществ были искренне и глубоко верующими людьми, что обуславливало во многом кодекс их поведения; пересмотр представлений о радикальных политических планах декабристов, прежде всего — замыслах царевубийства, уяснение подлинного места этих планов в общей политической программе и тактических установках, отказ от доминирующего значения этих планов при анализе политического опыта декабристов; декабристы и явления современной им общественной жизни, включая распространенные в это время формы общественной активности (тайные и негласные кружки, собрания, масонские ложи); коррекция представлений о взаимосвязи

между правительственной политикой и активной общественной оппозицией в лице декабристов; проблема внутренних кризисов в тайных обществах и «кризисов идей» их лидеров; наличие двух поколений внутри декабристского движения — «старшего», в целом умеренно-либерального в своих политических взглядах, составившего ядро ранних тайных обществ (до 1821–1822 гг.), и «младшего», склонного к идеям радикального характера и сыгравшего важную роль в заговорах, закончившихся открытыми выступлениями¹³. В настоящее время можно констатировать, что развитие декабристоведческих исследований на постсоветском этапе историографии происходит в русле большинства из обозначенных В. М. Боковой направлений.

Одновременно с этим А. Н. Цамутали отмечал, что проблематика истории декабризма еще не исследована в необходимой степени, как это многим видится: «...интерес к истории декабристов не ослабевает, и он представляется тем более обоснованным и понятным, поскольку многие стороны этой большой и сложной темы по-прежнему требуют дальнейшего исследования». Он также изложил свое видение актуальных направлений научной работы на новом этапе историографии: «Возросший в последние годы интерес к истории эпохи Просвещения позволит более полно представить идейные истоки движения декабристов... Вечно занимающий русских мыслителей вопрос о взаимоотношениях России и Запада, русской и европейской культуры неразрывно связан с осознанием того влияния, которое оказали на русскую общественную мысль Великая Французская революция 1789 г., Испанская революция 1820 г., революция в Пьемонте и восстание в Греции 1821 г. Можно ждать, что скоро появятся работы, во всей полноте представляющие различные течения, представленные в движении декабристов. С одной стороны, либеральное, просветительское, особенно заметное в деятельности Союза благоденствия. С другой стороны, радикальное, революционное, существующее на всех этапах движения декабристов и особенно усилившееся в годы существования Южного и Северного обществ...»¹⁴

Как представляется, приведенный обзор показывает определенную преемственность в обозначении проблем и задач, которые формулировались историками в качестве актуальных и научно значимых на разных этапах историографического процесса. Контекст, в который они ставились, акцентировки их отдельных аспектов и составных элементов, конечно, варьировались. Но, тем не менее, можно вычлениить определенный набор проблем, сохранявших свое научное значение на всем протяжении историографической традиции: генезис и формирование декабристской идеологии, факторы возникновения декабристского политического сознания («внутрироссийские истоки» и западное влияние идей эпохи Просвещения, классического либерализма, событий политической жизни начала XIX в.); национально-патриотический подъем, связанный с антинаполеоновскими войнами, и складывание декабристского типа общественной активности; формирование и эволюция идейной программы

декабристских обществ, развитие их тактики и программы в связи с изменениями правительственной политики и общественной среды, влияние на декабристов современных политических событий; декабристы и современное им российское общество, тайные общества в контексте общественного движения 1-й четверти XIX в.; взаимосвязь декабристской программы с либеральным течением в русском обществе, соотношение либеральных идей и политического радикализма в декабристском движении; эволюция взглядов бывших участников движения после 1825 г.; влияние декабристского опыта на последующее общественное движение в России. Очевидно, этот выявленный набор важнейших проблем и направлений исследований является системообразующим для научного изучения истории декабризма.

В целом постсоветский период свободы идеологических оценок и сосуществования различных интерпретаций декабристского опыта привел как к положительным, так и негативным последствиям в разработке истории декабризма. Положительное состояло в возвращении к конкуренции научных идей, концепций и взглядов, выдвигании в центр исследований свежих, приближающих нас к принципам историзма вопросов, обогащающих строго установленное, точное научное знание, приращении к нему ранее не изучавшихся сюжетов, применении новых подходов и принципов исследований. Появившиеся в эти годы отдельные исследования и сборники статей по актуальным научным проблемам характеризуются, с одной стороны, отказом от старых идеологических клише, с другой — вниманием к малоизученным или совершенно не изученным проблемам истории декабристов¹⁵. Однако потенциал этой, по существу весьма плодотворной для развития науки историографической ситуации ограничивается негативным воздействием новых идеологических доминант (в частности значительно усилившихся идей консервативно-охранительного спектра, по существу отрицающих правомерность участия общественных сил в государственных преобразованиях), а также давлением вненаучных конъюнктурных запросов (перекрашивание в противоположный цвет «былых кумиров», негативизм под флагом избавления от «исторических мифов», стремление к сенсационным «открытиям» и т. д.).

С начала 1990-х гг. негативистская тенденция в тематике декабристологии заявила о себе в полный голос, опираясь на еще дореволюционную охранительную традицию, постулирующую практически полное неприятие правомочности для русского общества самостоятельно воздействовать на правительственный строй и государственную политику — традицию, берущую свое начало от официальной идеологии самодержавной власти, современной декабристам. «Не опускаясь», как правило, до изучения исторических источников, наследники этой традиции начали применять новые идеологические шаблоны вместо старых, советских — на этот раз охранительного характера. Зачастую требуется только поменять знаки шкалы оценочных суждений «с плюса на минус», и вот уже готов новый, «разоблачающий» прежние оценки историков взгляд на тех,

кто вознамерился изменить многовековой социально-экономический уклад Российского государства¹⁶. Наиболее негативное последствие этой ситуации состояло в том, что подобный подход к истории декабристов стал переключиваться со страниц исторической публицистики в труды некоторых профессиональных историков.

Негативизм, подкрепленный идеологическим давлением, может оказать определенное влияние на исторические исследования, но сама потребность в изучении и осмыслении отечественной истории диктует продолжение строго научной работы. Отрадно, что, несмотря на усилившийся пресс вновь воздвигнутых негативистских догм и шаблонов, зачастую воспроизводящих незамысловатые тезисы дореволюционных охранителей, вопреки новому мифотворчеству¹⁷, научная среда продолжает продуцировать содержательные научные работы, исходя из логики самого исследования, потребностей поиска ответов на вопросы, возникающие при работе с историческим материалом.

Современный этап постсоветской историографии принес с собой новые образцы исследовательских работ по актуальным направлениям изучения истории декабристов. Появившиеся в последние годы публикации, сборники статей демонстрируют сохраняющийся интерес ученых к магистральным сюжетам декабристской истории, проблемным вопросам изучения политической мысли, общественного движения, правительственной политики, социокультурного облика эпохи, современной декабристам¹⁸. Труды последних лет показывают существующее разнообразие мнений, отсутствие «кризиса идей» в декабристведении, неправомочность нередко встречающихся штампов об «изученности» или «исчерпанности» темы, а также — возможность применения новых подходов, выдвижения новых концепций и гипотез при рассмотрении как общих, так и частных вопросов истории декабризма, в ряде случаев — значительное расширение тематического поля научных разработок, возможность презентации нового взгляда на некоторые фундаментальные вопросы изучения декабристского движения. Это особенно важно в связи с несомненным устареванием шкалы идеологических оценок, определенной части категорийного аппарата и научного языка исследований советского периода даже при условии, что с фактологической стороны эти исследования сохраняют свое значение.

Затрагивая вопросы современной историографии, нельзя обойти вниманием неоднозначные и проблемные стороны научной литературы последних лет. Оставляя в стороне фактические ошибки и недостатки, вызванные неполнотой сведений о существующей источниковой базе, неосведомленностью о достижениях и недостатках предшествующей историографии, нередко встречающиеся в трудах современных авторов, остановимся на более важных моментах. Речь идет о необоснованных выводах, недоброкачественных оценках публицистического характера, произвольных гипотетических «версиях», которые выдаются за объективно и прочно установленные, доказанные научные положения. В основе этого — стремление к сенсационности, неосновательному пересмотру

научных представлений, следование заранее принятым схемам, под которые подгоняются факты, извлеченные из отдельных источников. Если в советскую эпоху исследователи были ограничены парадигмой «дворянской революционности», то в постсоветский период с уходом идеологического диктата некоторыми авторами овладела конъюнктура вненаучного характера, выразившаяся в усиленном стремлении к обязательному «пересмотру» чуть ли не всех существующих научных положений, не опирающемся на критический анализ исторических свидетельств.

К сожалению, свобода творчества привела некоторых авторов, в том числе, казалось бы, профессионалов-историков, к выдвиганию необоснованных, но зато «сенсационных» «версий» и «открытий». Перечисление конкретных примеров произвольного, волюнтаристского отношения к историческим фактам и источникам заняло бы здесь слишком много места. Можно лишь упомянуть, что начиная с 1990-х гг. в своем стремлении к «пересмотру устоявшихся точек зрения» одни авторы напрямую связывали выступление декабристов на Сенатской площади с экономическими интересами Российско-Американской компании, подсчитывая количество ее акций чуть ли не у каждого из заговорщиков, другие — утверждали, что имеющийся «набор» декабристских тайных обществ случаен, а рядом с ними существовали более влиятельные конспиративные масонские союзы, третьи — объявляли, что наряду с декабристскими тайными обществами имел место намного более могущественный заговор армейского генералитета, который и надо изучать, четвертые — что П. И. Пестель был сотрудником правительственной тайной полиции и т. д. Наконец, в этих условиях не могла не появиться еще одна «сенсация» — заявление о том, что декабристских тайных обществ вообще не существовало, поскольку все данные о них фабриковались на судебно-следственном процессе 1825–1826 гг., как это было в случае известных инсценированных политических процессов 1930-х гг. Столь явная модернизация исторических реалий, игнорирующая свидетельства целых категорий исторических источников, подменяющая критику следственных материалов их произвольной спекулятивной интерпретацией, не имеющей отношения к науке, тем не менее встретила поддержку у некоторой части исторического сообщества (правда, практически все поддержавшие данное «сенсационное открытие» не относились к числу специалистов по истории России начала XIX в.). Все эти «находки», «версии» и прочие яркие откровения, разумеется, не опирались ни на одно документальное указание, точно и надежно подтверждающее выдвинутую «сенсацию», а, как принято в спекулятивной журналистике и публицистике, имели в своей основе лишь «соображения» и «догадки» (можно сказать, «прозрения») самих авторов, озабоченных суетливым желанием обнаружить нечто новое, чтобы «опровергнуть» всё, что писалось по данному вопросу историками раньше, представ в выгодном образе «первооткрывателя» столь важных обстоятельств, доселе никем не замеченных. Приходится констатировать, что современный этап

историографии отмечен появлением необоснованных, ложных, псевдонаучных предположений, «открытий» и «версий».

Подводя итог, следует заключить: современная ситуация, сложившаяся в историографии декабризма, заставляет вдумчивого добросовестного читателя задаться вопросом о необходимости критического отношения ко многим «новаторским» выводам и «гипотезам», которые в условиях освобожденного от идеологического диктата авторского творчества можно встретить в книгах и публикациях даже историков-специалистов, о важности сопоставления данных, представленных в различных исследованиях. Необходимо строго отделять факты и научно доказанные выводы от домыслов и необоснованных предположений, в особенности — от новейших «лингвистических поворотов», «пересмотров всей историографии вопроса», «коренных изменений существующих представлений о декабристах» и других сенсационных «открытий», «новых взглядов» и т. д., выдаваемых за масштабные и не очень научные новации и достижения.

- ¹ Невелев Г. А. Замысел издания «Истории декабристов» в 1906–1907 гг. // Исторические записки. 1975. Т. 96. С. 381–382; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.
- ² Невелев Г. А. Замысел издания «Истории декабристов» в 1906–1907 гг. С. 382.
- ³ Подробнее об этом: Ильин П. В. Актуальные направления в изучении истории декабристов вчера и сегодня: некоторые оценки и наблюдения // Декабристы. Актуальные направления исследований. Сб. ст. и мат-лов. СПб., 2014. С. 4–5.
- ⁴ Сандомирский Г. Предисловие // Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925. С. 6–7.
- ⁵ Подробнее об этом: Ильин П. В. Актуальные направления в изучении истории декабристов вчера и сегодня. С. 6–9.
- ⁶ Речь идет в основном о трудах В. В. Пугачева и С. С. Ланды, посвященных истории и идейному облику ранних декабристских обществ, в которых новаторски для советской историографии ставилась проблема взаимосвязи декабристов и либерального направления в общественном движении эпохи, а также вопрос о соотношении «дворянской революционности» и либеральной идеологии внутри декабризма.
- ⁷ Декабристские чтения / Под ред. Г. Д. Казьмирчука. Киев, 1988–1991. Вып. 1–5 (издание продолжается и в настоящее время); см. также: Декабристские чтения. Вып. 1. Гродно, 1990.
- ⁸ См.: Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм в России в первой четверти XIX в.: Итоги и задачи изучения. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.
- ⁹ Заступники свободы. Памятные чтения, посвященные 170-летию восстания декабристов. СПб., 1996. С. 23–31 (доклад Л. Б. Нарусовой «Нравственные уроки декабризма»). Критику этой позиции см.: Цамутали А. Н. Декабристы и освободительное движение в России: некоторые вопросы историографии // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 1. СПб., 1997. С. 93–94.
- ¹⁰ См.: Империя и либералы. Сб. статей. СПб., 2001; 170 лет назад. Декабристские чтения 1995 года: Статьи и материалы. М., 1999. С. 3.
- ¹¹ Освободительное движение в России. Межвуз. науч. сб. Саратов, 1971–2013. Вып. 1–24; Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978–2009. Вып. 1–6.

- ¹² 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография / Под ред. П. В. Ильина. Вып. 1–7. СПб., 1997–2005. На страницах сборника публиковались работы о неизученных тайных обществах, расширялись и уточнялись представления о персональном составе декабристских союзов, вводились в оборот новые материалы об известных и «безвестных» участниках движения, междуцарствии и событиях 14 декабря 1825 г., судебном-следственном процессе по делу декабристов, ставились вопросы о пересмотре историографических концепций советского периода.
- ¹³ Бокова В. М. Предисловие // Декабристы и их время. Труды Гос. исторического музея. Вып. 88. М., 1995. С. 5–14.
- ¹⁴ Цамутали А. Н. История декабристов: некоторые итоги и перспективы // Мера. 1996. № 1. Декабристский выпуск. СПб., 1996. С. 9.
- ¹⁵ Декабристы и их время. Труды Государственного исторического музея. Вып. 88. М., 1995; 170 лет назад. Декабристские чтения: статьи и материалы. Труды Государственного исторического музея. Вып. 105. М., 1999.
- ¹⁶ См. характерный образец поверхностного «сенсационного пересмотра» с переворачиванием оценок при сохранении общих базовых представлений, заложенных советской идеологией «революционного движения»: Крутов В. В., Швецова-Крутова Л. В. Белые пятна красного цвета: Декабристы. М., 2001. Кн. 1–2.
- ¹⁷ См. об этом: Эрлих С. Е. Декабристы в исторической памяти: конец 1990-х — начало 2010-х гг. СПб., 2014.
- ¹⁸ См.: Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008; Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования. СПб., 2009; Декабристы. Актуальные направления исследований. СПб., 2014; Историческая память России и декабристы. 1825–2015. СПб.; Иркутск, 2018.

УДК 94(47) «1825.12.14»

DOI 10.24411/2311-603X-2019-00032

О. В. Эдельман

Разговор о декабристах

Декабристские исследования пережили пышный расцвет в 1970–1980-х гг. и затем, уже в постсоветское время, резко сократились в объеме, числе занятых этой темой ученых, количестве выходящих работ. Это вполне банальное наблюдение, прекрасно всем известно, но мне представляется, что некоторые следствия процветания и последующего «схлопывания» декабристведения заслуживают внимания.

Собственно, аналогичное падение интереса и затухание исследований произошло не только с декабристской, но и шире, со всей историко-революцион-